

Алтай огромен... В безграничье зеленой земли тонут здесь горизонты, на десятки, на сотни километров поля пшеницы, в недостижимой выси — чуть приподнятое облаками — горячее августовское солнце. Это степь. И хоть скачи по ней, птицей над ней лети — нет ей края, нет берега. Разве что подсиненная лента соснового бора помаячит где-нибудь в полуденном мареве. Помаячит и истает, как мираж, как призрак.

Ближе к югу — там уже иные картины. Земля — будто озеро, потревоженное ветром: пошли плавные изгибы холмов, увалы да пригорки. Их скаты и гребни в шумливой пене березняков. Тут и поля не столь велики, и проселки поизвинистей. А далеко за Обью четко рисуется на небосклоне сиреневая каемка Алтайских гор.

Алтай называют жемужиной Сибири. И встреча с ним не может не волновать. А уж если ты родился и вырос в этом краю, то что и говорить?... Уже на бийском вокзале, после — то ли в трамвае, то ли на улице — внимательно взглядываешься в лица: не промелькнет ли случай знакомое? Ведь где-то здесь живут и бывшие твои одноклассники, и те, с кем когда-то грузился в литерный эшелон, а потом три года стоял в одном солдатском строю уже на Дальнем Востоке. А давно ли... Эх, ну да ладно! Вон уже, кажется, объявляют посадку на рейсовый автобус «Бийск — Огундай». Отправление и — здравствуй, Чуйский тракт!

...Гудящий гудрон под колесами, черно-белые столбики ограждения с обеих сторон, росчерки и перекрестья дорожных знаков, бегущее кружево лесополос. «Чуйский тракт до монгольской границы...» — поется в известной в этих местах шоферской песне-балладе. Этим путем в старину уходили «подале от царя» керкажи-староверы, взыскующие сказочного Беловодья, тянулись купеческие караваны с пушминой, за бесценок скупленной у «инородцев» ойротов. В числе инженеро-проектировщиков современную трассу Чуйского, был известный писатель В. Шишков, автор «Угрюм-реки». Бюст его — на каменном пьедестале над рекой Катунью у села Манжерок. Алтай посвятил Шишкова лучшие из ранних своих рассказов... Художник Николай Рерих, очарованный царством гор, тоже прошел Чуйским трактом. А позже — уже на памяти нашего поколения — по старой этой дороге зимой и летом следовали тысячи табуны монгольских лошадей — помочь фронтам последней войны. Сейчас по Чуйскому тракту идут первые партии грузов для большой новостройки — Катунской ГЭС...

В тридцати шести километрах от Бийска — село Сrostки. Автострада делит его на две неравных части.

Одна — большая — сходит к Катунской излучине. Улицы широкие, дома — в основном, пятистенные — выстроены по-сибирски основательно, из крепкого лиственника. Крыши — шатровые, все больше под железом, непрямые ставни, наличники и карнизы в резбе. Заборы дощатые, плотные. Их так и зовут — заплоты. Зеленые сады, мозаика огородов и россыпи цветов — в палисадниках, у памятника воинам-землякам, в широком дворе белокаменной школы. Напротив школы — контора совхоза «Сростинский».

но-то, Мить, поставил ай нет?

Рядом бойко торгуют кедровыми орешками, яичками, молоком. А дед в фуражке, видно, и забыл за разговором о своих товарах...

Ушел, фыркнув черным дымом, один автобус, тут же подходит второй — «Турист», разрисованный алтайским народным орнаментом. Высыпали на площадку пассажиры-отпускники. Все в зеленом, в крепком, в походном. Женщины, обряженные на некий иностранный манер, парни — через одного, — то в очках, то с бородой. Летом Алтай — место палом-

своей глубинки, которая вывела его на дорогу большого искусства... Даже и она этого дома можно считать элементами музейных экспозиций. Глядясь в них улицы трудного военного детства Шукшина, заглядывают катунские острова и протоки, крыши домов, под которыми живут любимые им — такие разные, какими им и положено быть, люди — герои шукшинских повествований.

Книги справа от письменного столика. Уже не в книжном шкафу, не на этажерке — на стенде. Это дары му-

ки приезжают со всех уголков нашей необъятной страны тысячи людей, чтобы поклониться земле, где родился и вырос великий патриот, выдающийся деятель киноискусства, писатель, публицист.

Нынче, 22 июля, в 55-летний юбилей В. М. Шукшина в девятый раз состоялся шукшинские чтения на Бекете. В них — по традиции уже — приняли участие писатели, поэты, актеры. Каждый год местная районная газета «Ленинский путь» посвящает шукшинским чтениям специальный выпуск. Не меркнет память о Василии Шукшине на родной земле его. Живет она и в книгах его, в фильмах, в книгах и фильмах уже о нем самом, в делах его земляков-тружеников.

«Пройдут годы, — говорил писатель Виктор Астафьев, выступая перед участниками чтений, — все так же будет катить воды Катунь, все так же будут стоять Сrostки, но я уверен, что слава этого человека, облик его будет в годах все более благородны и светлы».

Обыкновенный дом. Каких много в каждом сибирском селе. Застекленная веранда. Но и здесь — экспонаты. Несколько особые, правда. Сборники стихов и рассказов, повести, романы, поэмы, присланные и привезенные сюда их авторами. Читаешь фамилии Айтматова, Залыгина, Белова, Астафьева, Юдаевича, Евтушенко... Автографы, посвящения, слова, от сердца идущие...

Сохранен возле дома и приусадебный участок. Он превращен в громадный цветник. В центре его составленный кровато-красными георгинами силуэт калиновой кисти. А вот и сама калина, склонилась зрелые грозди над штатетником. И до боли трогает сердце несметная трава под окном... Остановись, помолчи, прислушайся к голосам и звукам его села. Бегут-гудят по Чуйскому тракту машины, тихо шелестит березовый лесок на Бекете, где-то деловито порыкивает трактор. Но нисколько торопливо прогрелась телега. Далеко слышатся стук ее колес. Проехал нижним переулком, распушивая кур, мотоцикл, ведомый белокрысым подростком. Мальчишки на улице кричат, как и много лет назад, играя «в войну»... В общем, идет жизнь, шумит, не останавливается, как вода в ссод Катунь-реке. Светлая память тебе, Василий Шукшин!

...Да, огромен Алтай, велик в былинном размахе своем, обильно — богат он, этот край сибирский. Городами и селами, полями и недрами. А еще того — людьми, вседневными трудами и любовью которых творится день настоящий, живет и славится и будет жить вовеки родная земля.

В. ФОМЕНКО.

Сrostки — Бийск — Вирбиджан.

НА РОДИНЕ В. М. ШУКШИНА ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

Хозяйство, по всему видать, крепкое. Вон щит с внушительными обязательствами года. Заметка в сегодняшней районке рассказывает: «С подготовкой комбайнов в совхозе «Сростинский» отлично. Все агрегаты — на линейке готовности. Комбайнеры ждут команды выйти в поле на большой хлеб». Сростки — село старинное, ему более двухсот лет. Но известно оно не стариной — здесь родина В. М. Шукшина, писателя, киорежиссера, артиста.

С каким-то трепетом в душе сходишь в Сростках с автобуса. Помимо воли пристальной смотришь на все, слушаешь все, что вокруг и что совсем рядом. Возле останковки — маленький магазинчик, кафе для проезжающих и приезжающих. Тут же импровизированный сельский рынок, осененный гигагитами-тополями. Звучит здесь особая, сибирского лада и края народная речь. Вот старушка в низко повязанном белом платке жалует соседке:

— Уж как там помидоры нынче! Ково уж... Дожди и дожди один за одним. Катунешка-то гни, как разлилась. Через день да каже день прибывает. У Неверовых он, бают, утей уташило... Огурчики, огурчики малосольные! — ласково заливает она вдруг.

Сухонький старик в солдатской фуражке возле корзины, покрытой клеенкой, привстав, чинно, «по ручке» поддыхается с водителем подержавшего КАМаза, радостно сообщает:

— Петька вчера письмо прислал. В отпуске сулитесь. Сколь ить не выдалось! А мы тут баю на пару с Матвеем рубить направлялись. Да не знаю, у их вот-вот уборка подоснет. Где ему теперича вырваться? Да Петьша мне и пособит поди. Се-

ничества тысяч любителей природы и дальних странствий. Ими переполнены поезда и автобусы, вокзалы и аэропорты.

Немало народу едет и сюда, в Сростки, чтобы увидеть дом Шукшина, ныне — музей его имени. Стоит дом — музей на юру, у подножья горы Бекет, густо одетый березовым лесом. Виден издали. Самому писателю жить постоянно здесь не довелось. Кушил Шукшин этот пятистенный дом своей матери Марии Сергеевны в 65-ом, получив гонорар за роман «Любавины». Бывая наездами в родном селе, работал Василий Макарович и тут. И пером, и топором (во дворе — устроенная руками писателя летняя кухня). Вот письменный стол Шукшина в самой большой комнате окнами к реке. Пишущая машинка, часы, париковая ручка-веретене, рукописи киносценария, пепельница, пачата пачка сигарет... Все так же и то же, что и при жизни его. Только вот стены... Стали они сейчас стенами: фотокони кинокадров, дипломы в тяжелых обложках, портреты писателя. Вот молодой Василий Шукшин в своей первой роли Федора-старшего из фильма «Два Федора». С другой фотографии печально-лукаво улыбается Куралев-Пирамидон, герой кинокартины «Живет такой парень». А вот артист Санаев, каким естественней его было бы увидеть не где-нибудь в Москве, а, скажем, в соседнем дворике за немудрым верстаком. Еще фото — М. А. Шолохов и В. М. Шукшин. И снова — сельские жители из фильмов, рассказов. Тут и расудительный Иван Расторгуев из «Печек-лавочек» и Егор Прокудин из «Калины красной». Целый мир образов и сцен, созданный художником-коммунистом, публицистом и горячим патриотом

зю и заказы музея: на русском и немецком, на монгольском и английском, на латышском и польском. Только как-то уж больно непривычно и странно читать фамилию В. М. Шукшина, начертанную латинскими буквами. Настолько неотделим он от земли русской... Его слова: «Родина. Она и живет постоянно в сердце, и образ ее светлый погаснет вместе. Видно, так. Благослови тебя, моя Родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будешь ты счастлива, и я буду счастлив».

В соседней комнатке, с которой обычно начинают осмотр экспонатов, — старинные фотографии (до обидного мало их!) того времени, когда Василий Шукшин был известен разве что в своем селе. Под стеклом — матросская форма, которую хранил он в родном доме как память о службе на Дальнем Востоке.

— Гостей у нас много бывает, — рассказывает научный сотрудник музея Л. Симихина. — В прошлом году тридцать семь тысяч человек, за шесть месяцев нынешнего уже семнадцать с половиной побывало. А летом — мы недавно подсчитывали — за день приходит в среднем триста посетителей.

...Со всех концов страны приезжают в Сростки поклонники его самобытного таланта. Тысячи отзывов в книге посетителей, адреса — наверное, всех краев и областей Союза, подписи под словами, выражающими сердечную благодарность художнику и людям, заботами которых живет овеществленная память о нем. Проза и стихи. А вот строки из путеводителя по музею: «Десять лет прошло с тех пор, как не стало Василия Макаровича. Но каждое июльское воскресенье, предшествующее дню его рождения, в Срост-